

УДК 658. 6(091)

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАНСКИХ КУПЦОВ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ В 1817 И 1820 гг.

Н.А. Кореева, аспирант

Первая половина XIX столетия в истории отечественного предпринимательства занимает особое место не только в силу возросших масштабов, сфер и всех количественных показателей предпринимательской деятельности, но и, что особенно важно, благодаря достигнутым успехам в создании условий для промышленного предпринимательства в собственном смысле. Однако этот процесс протекал сложно и неоднозначно. Торговая деятельность, господствовавшая в это время в сфере предпринимательства, способствовала расширению сферы обмена, вовлечению в нее новых производителей и видов производства, формированию единого рынка. В процессе обращения торгового капитала происходили накопление и концентрация денежного имущества. Огромную роль в торговле играли ведущие ярмарки страны, одной из которых являлась Нижегородская.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению участия торговцев Казанской губернии во внутренней торговле России на примере Нижегородской ярмарки.

Начальный этап деятельности ярмарки практически не освещается современными исследователями, тем более отсутствуют сведения о казанских купцах, принимавших активное участие в торгах. Тема представляет большой научный интерес, т.к. крупнейший центр внутренней и внешней торговли – Нижегородская ярмарка – имел в хозяйственной жизни страны огромное значение. Свой торговый год российский

купец начинал и заканчивал в Нижнем. Прибывавшие сюда из разных регионов торговцы привозили сведения о том, как идет торговля на местах и каковы виды на предстоящий год. Каждый предприниматель, если он хотел, чтобы его товар сделался предметом широкого потребления, должен был непременно показать его на Нижегородской. Она являлась местом денежных расчетов за торговые сделки, совершенные на других ярмарках. Все это превращало Нижегородскую, с одной стороны, в выставку достижений российской промышленности, и притом главным образом тех ее отраслей, которые обслуживали потребности самых широких слоев населения, а с другой – в своеобразную всероссийскую биржу, устанавливающую на целый год цены на важнейшие предметы потребления.

Точкой отсчета Нижегородской ярмарки – правопреемницы Макарьевской – является 1817 г. После пожара, случившегося по завершении Макарьевской ярмарки в 1816 г., в экстренном порядке на новом месте, на противоположном берегу реки Ока, рядом с Нижним Новгородом были сооружены торговые ряды. Правительству удалось открыть торговый сезон 20 июля 1817 г. В последующие годы ярмарка действовала с 15 июля по 15 августа. До сооружения новых зданий ярмарочная торговля в 1817–1821 гг. производилась во временных балаганах, устраиваемых ежегодно [1, с.7–9]. В географическом отношении Нижегородская ярмарка имела выгодное месторасположение,

рядом с впадением Оки в Волгу. В рассматриваемый период Волга являлась основной транспортной артерией для перевозки грузов.

В 1819 г. правительство выкупило необходимую для сооружения ярмарочных зданий землю, находившуюся во владении частных лиц, государственных крестьян, купцов и т.д. В 1821 г. территория торжища была обмежевана в дачу Нижегородской ярмарочной конторы [6, с.34].

Обеспечение общественного порядка во время ярмарки было вверено нижегородскому гражданскому губернатору, который должен был неотлучно находиться на территории «торжища». Здесь же располагалась ярмарочная контора, главной обязанностью которой являлись раздача лавок и сбор за них установленной суммы денег, ремонт торговых помещений, составление отчета о ходе торговли и торговых оборотов. В административном отношении ярмарка была разделена на 10 кварталов, делами которых ведали специальные надзиратели. Кварталы, в свою очередь, делились на торговые ряды, во главе которых стояли рядские старосты, ежегодно избираемые прибывшими торговцами. В обязанность рядского старосты входили сбор и подача сведений квартальному надзирателю о количестве привезенных и проданных товаров в своей торговой линии. При ярмарочной конторе находились пожарная и воинская команды. Кроме того, для обеспечения безопасности на период торговли ежегодно присылались городская полиция и казачья команда [1, с.9].

Товары, прежде чем попасть на ярмарку, проделывали большой путь и завозились задолго до открытия ярмарки.

В начале июля приплывали с верхних и нижних пристаней Волги и Оки расшивы и баржи, груженные разного рода товарами. Сухим путем шли со всех сторон купеческие обозы, сначала с украинских ярмарок, затем из Москвы, Казани и других мест.

Архивные материалы представляют несомненный интерес в плане выявления специализации предпринимателей, прибывавших на торги из различных регионов России. В частности, ассортимент товаров купцов из Казанской губернии в 1817 г. был весьма разнообразным. Татары привезли пушной товар, бахчу, бумагу, бухарский товар, кумач¹. Они имели лавки в «мыльной линии», «татарском» и «астраханском» рядах. Русские купцы торговали кожей, «панским товаром»², шапками и картузами, золотом, серебром, бумажным товаром. Они арендовали рогожные балаганы, торговые места в черевичном, гуртовом, табачном, овощном и фруктовом рядах [9]. Спустя три года, в 1820 г., ассортимент товаров у татарских купцов значительно расширяется: арские купцы торгуют «панским товаром», «бухарскими тулупами», китайкой, осуществлялась традиционная торговля фруктами, бахчевыми, мылом, ситцами, «красным товаром»³. В лавках русских торговцев замечены москательные товары, восковые свечи, шелк, сафьян, шапки, сапоги, «армейки», фарфоровая и каменная посуда, бумажный, шорный, бакалейный, «панский товар», а также бахчевые, овощи. Официальный источник — ведомость Нижегородской ярмарочной конторы о количестве товаров в продаже на ярмарке 1820 г. — позволяет утверждать, что товары привозились из Казани, Москвы, Астрахани, Бухары.

¹ «Бухарский товар», по мнению историков, это азиатский товар: чай, китайка, серебро, бумага, мерлушка, верблюжья шерсть, халаты и лошади, привозимые с Ирбитской ярмарки, попадавшие туда с Оренбургской и Ишимской линий. См.: Резун Д.Я., Беседина О.Н. Ворота в Сибирь (Верхотурье, Ирбит, Туринск, Пелым) // Городские ярмарки Сибири XVIII– п.п.XIX в.: Ярмарки Западной Сибири. — Новосибирск, 1992. — С.40.

² Под «панским товаром» понимается модный товар, произведенный на мануфактуре или фабрике, главными покупателями которого были помещики.

³ «Красный товар» — ткани, мануфактура.

Удалось установить, что в Москву за товаром ездили только русские торговцы — 8 человек из 116 (7%). Отмечены единичные случаи привоза товаров из Астрахани русскими торговцами. Татарское купечество предпочитало Астрахань — 16 человек из 105 (15%), а также Бухару — 11 человек (10%) [10]. Эти сведения неполные — не во всех случаях квартальные надзиратели указывали происхождение товара.

Среди уроженцев Казанской губернии, на первый взгляд, было мало лиц, занятых в сфере услуг. В списках 1820 г. значится казанский мещанин Хамит Исхаков, занимавшийся починкой часов, а также мамадышский служилый татарин Сабит Садинов, торгующий часами [10, л.70 об.]. Между тем их было значительное количество, особенно среди татар. По отзыву современников, на ярмарке среди чернорабочих и мелкой прислуги татары Казанской губернии и Сергачского уезда Нижегородской занимали первое место, являясь самыми выносливыми работниками [7, с.27].

Некоторые сведения о торговом обороте предпринимателей из Казанской губернии дают материалы о численности занятых ими лавок и балага-

нов. Количество занимаемых татарами лавок в 1820 г. увеличивалось на 45%, по сравнению с 1817 г., и на 8% — занятых русскими [9].

В 1817 г. на ярмарке было занято всего 2962 лавки [2, с.218], из них 224 (7,5%) арендовали торговцы из Казанской губернии. Среди них русские торговцы занимали 143 лавки (64%), а татары — одну треть, или 81 лавку (36%) [9]. К 1820 г. количество арендованных русскими лавок увеличилось до 154, татарами — до 118. Однако их удельный вес в занятых торговых площадях несколько уменьшился (до 6,5%), что, видимо, связано с появлением новых торговых рядов на Нижегородской ярмарке [10]. В 1820 г. на ярмарке было занято 4132 лавки [2, с.218].

В документах о передаче лавок и складских помещений для хранения товаров коммерсантам во временное пользование записывались имена и звание арендаторов, место их проживания по паспорту (город, уезд и губерния), стоимость привезенного товара и его ассортимент, а также полученный доход. Несмотря на неполноту, эти сведения представляют большой интерес.

Увеличение за три года численности торговцев из татар с 71 до 105 (на 48%)

Таблица 1

Словно-социальный и этноконфессиональный состав торговцев из Казанской губернии на Нижегородской ярмарке в 1817 и 1820 гг. [9; 10]

Словно-социальные группы торговцев	1817 год		1820 год	
	татары	русские	татары	русские
Всего:	71	119	105	116
В том числе:				
купцы	57	62	46	62
купеческие сыновья	1	6	9	7
крестьяне	—	—	—	1
мещане	9	51	21	44
служилые татары	—	—	3	—
торговые татары	4	—	13	—
прочие	—	—	13 ¹	2 ²

¹ В документе указано «татары».

² В документе указано «торговый ямщик».

с учетом занятия ими новых торговых мест позволяет уверенно говорить о расширении их объема торговли и торговых оборотов. Преимущественно на ярмарке торговали купцы, купеческие сыновья, а также мещане. В ведении торговых дел у некоторых наблюдается семейственность. Можно проследить динамику этого явления. Если в 1817 г. на ярмарку у татар вместе с отцом прибыл 1 купеческий сын, то в 1820 г. уже — 9, у русских торговцев — 6 и 7 купеческих сыновей соответственно [9; 10]. Если в 1817 г. среди русских соотношение купцов и купеческих сыновей, с одной стороны, и мещан, с другой, составляло 68 к 51 (1,3:1), у татар (торговые татары, купцы, купеческие сыновья, с одной стороны, и мещане — с другой) — 62 к 9 (6,9:1), то в 1820 г. эти показатели изменились соответственно 69 к 44 (1,6:1) и 68 к 21 (3,2:1). Иначе говоря, в торговую деятельность с выездом на ярмарку включалась группа мещан; торговцев из крестьян и служилых татар было очень мало.

Из каких уездов и городов уроженцы Казанской губернии съезжались на ярмарку и откуда свозились в Нижний Новгород товары, иначе говоря, как велика была сфера влияния Нижегородской ярмарки внутри России?

Как видно из таблицы 2, среди коммерсантов доминировали торговцы из Казани, а также Арска. Если среди казанских коммерсантов в сезон 1817 г. русские составляли $\frac{2}{3}$ приезжих, то к

1820 г. численность татар выросла с 61 до 87 человек, а численность русских не претерпела существенных изменений (114 человек). Из других уездных городов (Чистополь, Царевококшайск, Мамадыш) приходится по одному коммерсанту, и по одному торговцу из селений Ковали и Ключищи.

В этническом плане торговцы из Арска были представлены исключительно татарами. Развитию торговли, безусловно, способствовало расширение производства товаров первой необходимости. Еще в середине 80-х годов XVIII в. в Арском уезде возникают две мануфактуры по производству ткани, которые работают на готовой бухарской пряже, получаемой через Оренбург.

В первой половине XIX века дальнейшее развитие получают промыслы сельской местности. В деревнях Атня, Мендели, Берези большое место занимает ткание циновок, рогож. Широкое развитие получают сапожничество, шерстобитное производство (в самом Арске, кроме того, делают кушаки, пояса и пр.), ювелирное мастерство (выделяются различные мелкие вещицы из серебра, кольца, браслеты, серьги и т.д.). В Арске занимались также выделкой крупных кож, приготовлением красной юфти [8, с.107–108]. Это позволяло выйти на торги за пределами Казанской губернии.

Купцы приезжали с грузчиками и приказчиками. Численность этого персонала зависела от величины и объема

Таблица 2

Участие в Нижегородской ярмарке уроженцев Казанской губернии в 1817 и 1820 гг. [9; 10]

Поселения	1817 год		1820 год	
	татары	русские	татары	русские
Казань	61	119	87	114
Арск	9	—	15	—
Чистополь	1	—	1	—
Царевококшайск	—	—	—	1
Мамадыш	—	—	1	—
Ковали	—	—	1	—
Ключищи	—	—	—	1

товара. При регистрации не отмечалось, сколько у каждого купца было помощников. В рассматриваемый период известен лишь единичный случай подобной отметки: в 1817 г. у казанского купца Павла Петровича Рыбникова имелся приказчик Заусайлов [9, л.68 об.]. В 1820 г. отмечено прибытие «торговых ямщиков».

Среди торговцев из Казанской губернии значились и женщины – купчихи и мещанки. Как свидетельствуют источники, в 1817 г. в мыльном ряду в Казани торговали купеческая жена Марья Жаркова и мещанка Марья Савинская [9, л.75 об.]. В 1820 году среди татарских торговцев также появляются женщины: из Казани – купчиха Габидей Китаева (в мыльном ряду занимала две лавки) [10, л.81 об.] и из Арска – купеческая жена Сайтова (торговала бухарским пушным товаром) [10, л.119].

В книге ярмарочной конторы за 1820 г. зафиксированы количество торговцев, прибывших на ярмарку, а также сумма, полученная предпринимателями с торгов. Кстати, многие современные ученые небезосновательно с большой осторожностью относятся к подобного рода сведениям, ведь купцы зачастую давали заведомо искаженную информацию, стремясь уменьшить налоговое бремя. Купцы имели привычку принимать свои торговые обороты, реальные показатели разнились с официальной

статистикой. Проконтролировать весь процесс торговли на ярмарке, проследить за всеми торговыми операциями было невозможно. Критики выделяют в качестве одной из причин данного явления недостаточную компетентность и старательность полицейских чиновников, собиравших сведения об оборотах ярмарок после завершения торговли, когда основная масса коммерсантов уже разъехалась. Информация о торговых оборотах собиралась путем опроса торговцев [4, с.43;5, с.251]. Тем не менее эти сведения представляют познавательный интерес и позволяют увидеть основные тенденции коммерческих операций.

Так, в 1817 г. торговцами Казанской губернии было привезено товаров на общую сумму 3693000 рублей, что составляет от общего привоза 14%. В 1820 г. на ярмарке увеличился объем привоза (до 42399513 рублей). Из этой суммы 5911700 рублей приходится на долю предпринимателей Казанской губернии (14%). За три года произошло увеличение объема привоза товаров торговцами из Казанской губернии на 60%. Следует учесть, что часть привезенного товара не учитывалась в наличных рублях [9, лл. 64 об. –75 об.].

Доходы, получаемые от продажи привезенных товаров, складывались из следующих статей: в 1817 г. коммерсанты из Казанской губернии продали за

Таблица 3

Товарооборот торговцев из Казанской губернии на Нижегородской ярмарке в 1817 и 1820 гг. (в руб.) [3, с. 138–140; 9; 10]

Статьи доходов/ расходов торговцев	1817 год			1820 год		
	всего по ярмарке	торговцы из Казанской губернии	в %	всего по ярмарке	торговцы из Казанской губернии	в %
Привезено на сумму	26458857	3693000	14	42399513	5911700	14
Продано на сумму (наличные деньги)	14675714	1672200	11,3	30562180	3637000	12
Продано на векселя	–	518300			–	
Доход	4121360	–	–	10666468	283997	2,6
Осталось непроданных товаров	11783143	1502500	12,6	11837333	2274700	19

наличные деньги 45%, на векселя — 15% привезенного товара. В 1820 г. удалось за наличные деньги реализовать 62% товара. При этом следует иметь в виду, что официальный источник — Книга конторы строения Макарьевского гостиного двора при Н.Новгороде — не выделяет из общей суммы доход, получаемый от обмена одних товаров на другие.

Что касается объема непроданных товаров, то в 1817 г. в целом по ярмарке он составлял 45%. Нереализованными остались 40% товаров, привезенных предпринимателями Казанской губернии. В 1820 г. ситуация меняется: если в целом по ярмарке осталось нереализовано 27% товаров, то казанские предприниматели не продали 38%. Непроданные товары складывались на самой ярмарке — в магазинах либо увозились обратно. Кроме того, коммерсанты посещали Ирбитскую, Коренную ярмарки страны и, вероятно, часть товаров увозили туда. Мы располагаем сведениями о непроданных на ярмарке 1817 г. товарах, принадлежащих 122 коммерсантам из Казанской губернии. Из этого количества подавляющее большинство — 118 торговцев (97%) — увозили свой непроданный товар в Казань, 4 человека (3%) — в Москву. Среди коммерсантов, увозивших товар в Казань, преобладали русские купцы и мещане — 71 человек (60%), родом из Казани; в числе татарских предпринимателей были в том числе выходцы из Арского уезда (3 татарских купца), Чистополя (1 татарский купец). В Казань с ярмарки торговцы увозили часть нераспроданных шапок, картузов, сафьянов, шелков, фарфоровой посуды, кожи, «панского» и «бухарского товара», пушного товара, бумаги, бахчевых культур [9].

Из 4 человек, увозивших товар в Москву, 3 человека были русского происхождения и 1 татарин — казанский купец Муса Измайлович Апанаев.

В 1807 г. в правительстве наметился новый взгляд на среднеазиатско-русское торговое сотрудничество, предполагавший допуск мусульманс-

ких купцов за таможенную линию, на внутренний рынок. Бухарским купцам было разрешено посещать три главные ярмарки страны — Макарьевскую, Ирбитскую и Коренную — и создавать там необходимые условия для производства торговых операций [6, с.17].

Коммерсанты из стран Востока и Азии, не знавшие русского языка, всегда держались вместе, арендуя соседние лавки и те, которые располагались на противоположной стороне, формируя торговую улицу или даже квартал. Подобная корпоративность была характерна и для татарских торговцев. В отличие от татар, русские купцы из Казанской губернии арендовали лавки и балаганы отдельно друг от друга, смешиваясь с торгующими из Ярославля, реже — Москвы и других городов.

Как отмечал нижегородский гражданский губернатор С.А. Быховец, бухарцы вынуждены были прибегать к услугам переводчиков и ходатаев и вверять торговые дела неизвестным людям, подвергаясь риску. Поэтому нижегородский губернатор решил привлечь посредником знающего русский язык и обычаи российской торговли казанского купца Юсупа Галеева, который на торгах на Макарьевской ярмарке своей посреднической деятельностью успел снискать доверие и уважение иностранных купцов [11, лл.1—4 об.]. Действительный статский советник С.А.Быховец ходатайствовал в 1816 г. перед министром внутренних дел об утверждении Галеева в звании переводчика и «ходатая по делам бухарцев» и о награждении его золотой медалью для ношения на Анненской ленте, ссылаясь на многочисленные обращения купцов-бухарцев, хивинцев и других «азиатцев», а также самого посланника бухарского хана Диван Беги-Азимджана Муминджанова: «...Бухарские купцы, съехавшиеся на Макарьевскую ярмонку с товарами от разных портов, как-то: Астрахани, Оренбурга, Троицка, Петропавловска и Семипалатинска, приходя к нему, отзывались насчет Галеева, что он по доброму своему расположению и

усердию во всякую ярмарку оказывает им по торговым и другим делам большое ходатайство в их пользу, будучи всегда за переводчика, без всякого стеснения и обиды» [11, лл.1—4 об.]. С Галеевым был лично знаком и оренбургский военный губернатор Г.С.Волконский (по словам последнего, Галеев оказывал содействие азиатским купцам, прибывшим на Оренбургскую линию в караванах). Волконский составил прошение о допуске казанского купца к посредничеству по делам бухарцев на Макарьевской ярмарке и направил его нижегородскому губернатору. Нижегородский губернатор, со своей стороны, поддержал эту идею¹. Его ходатайство о награждении было рассмотрено на заседании Комитета Министров, согласившегося на награждение медалью татарского купца. Однако признать за Галеевым звание переводчика и ходатая только на основании доверия бухарцев Комитет Министров не посчитал возможным. В 1817 г. купец получил золотую медаль для ношения на шее на Анненской голубой ленте.

Подписи татарских купцов на документах свидетельствуют о том, что большинство их не знало русской грамоты, что, безусловно, создавало препятствия в ведении коммерческих операций. Поэтому при обращении в государственные учреждения им приходилось прибегать к помощи переводчиков и писцов.

В связи с увеличением численности торговцев-мусульман, в том числе иностранных подданных, большую значимость приобрела организация питания предпринимателей по нормам шариата². В условиях конфессионального меньшинства они вынуждены были организовать питание за свой счет. Поэтому представляется закономерным,

что некоторые из приезжих брали на себя заботу об организации питания единоверцев, возможно, некоторые из них специализировались в этой сфере. Однако вследствие ограниченной численности торговцев в коммерческом плане это не всегда было выгодным мероприятием. Об этом, в частности, свидетельствуют конкретные факты. На ярмарке действовали татарские харчевни. В 1820 г. они занимали 12 торговых мест, расположенных рядом друг с другом, формируя своеобразный татарский торговый ряд; в них работали преимущественно казанские торговые татары — Исхак Якупов, Якуп Измаилов, Аптекий Аптряшитов, Магамет Рахматуллоу, Кавайдулла Камареев, Сулейман Мусин, Амин Нагаев, Хасан Манасипов, одно место занимал Абдрешит Баибек из Пензенской губернии. Документы свидетельствуют о том, что доход от харчевен был пропорционален вложенным средствам и составлял, как правило, десятую часть от первоначальной суммы. Так, при вкладе в 1000 рублей продажа И.Якупова составила 1100 рублей, доход всего 100 рублей. Аналогичную картину мы наблюдаем и у тех, кто вложил гораздо меньшую сумму: при вкладе 200 рублей доход А.Аптряшитова составил 20 рублей [10, л.130]³. В харчевнях продавали не только готовые блюда, но и продовольственные припасы. Дело в том, что помимо торговцев на торжище в качестве чернорабочих, грузчиков на заработки приезжали мусульмане из ближайшей округи. Возможно, в летний период, когда продукты быстро портились, хозяева этих лавок обеспечивали продукцией всех мусульман, прибывших на ярмарку.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет утверждать, что в

¹ По свидетельству нижегородского губернатора, он знал Ю. Галеева уже четыре года своего управления ярмарочными делами, т.е. с 1812 г.

² На ярмарке было запрещено разводить огонь и держать самовары в самих торговых лавках из-за опасности возникновения пожара.

³ Эти цифры не вызывают, на наш взгляд, полного доверия ввиду несовершенства ярмарочной статистики.

этот период предприниматели Казанской губернии были завсегдаемыми ярмарки, продолжая традиции активных коммерческих операций Макарьевской ярмарки. Количество привезенного ими товара за трехлетие 1817–1820 гг. увеличилось на 60%, составляя 14% от общего привоза. Определенную роль в этом сыграли татарские купцы — в 1820 г., когда количество русских торговцев сократилось (на 3%), в 1,5 раза возросло количество торгующих татар. Предметами торговли выступали как произведения собственной промышленности, изготовленные из отечественного или импортного сырья, так и привозные товары. Развивающаяся промышленность и государственная система поощрения торговли с Азией позволили вывозить из страны шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные ткани. Купцы Казанской губернии активно содействовали внешней торговле

России с Азиатскими странами благодаря знанию языка.

Нижегородская ярмарка консолидировала купечество. Признаком этноконфессиональной корпоративности и землячества можно считать тот факт, что купцы-татары из Казанской губернии занимали целые ряды, лавки таким образом, чтобы находиться рядом друг с другом, создавая для себя привычную языковую, культурную среду. В торговую деятельность было вовлечено преимущественно купечество. Предприниматели Казанской губернии рассматривали Нижегородскую ярмарку как место для закупки сырья, продажи готовых товаров, заключения договоров, сделок. Как источник обогащения, она способствовала дальнейшему развитию производительных сил страны, стимулируя развитие отечественной промышленности и торговли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка — карман России. — Н.Новгород, 2008.

² Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка. Исторический очерк. — Н.Новгород, 1991.

³ Гациский А. Нижегородский летописец. — Н.Новгород, 2001. — С. 138–140.

⁴ Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. — Л., 1981.

⁵ Рожкова М.К. Торговля. Ярмарки в первых десятилетиях XIX века // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. — М., 1959.

⁶ Сеньюткина О.Н., Загидуллин И.К. Нижегородская ярмарочная мечеть — центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX— начало XXвв.). — Н. Новгород, 2006.

⁷ Тярин Н. Записки о поездке на Нижегородскую ярмарку. — М., 1827.

⁸ Фукс К. Статистическое обозрение всех в Казанской губернии находящихся фабрик и заводов // Карл Фукс: Научно-биографический сб. — Казань, 2005.

⁹ ЦАНО, ф.489, оп.286, д. 280, лл.2 об. — 85 об.

¹⁰ Там же, д. 378, лл.4 об. — 130.

¹¹ РГИА, ф.18, оп. 4, д.123, лл.1 —17 об.